

СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.А. Гапанович (г. Минск, Беларусь)

Рассматриваются выразительные возможности французских синтаксических средств в представлении социальнозначимых смыслов.

При исследовании характеристик, позволяющих выделить личность из общности людей и изучить ее разумную жизнедеятельность, в качестве первоосновы ученые разных областей знания предлагают смысл. Именно он является мерой значимости объекта или явления, включенного в психологическую реальность субъекта познания. Однако насколько многообразен окружающий мир, настолько разноплановым будет и смысловое содержание образов, его представляющих. Это может быть как образ, включенный в коллективное сознание, так и его индивидуальное «прочувствование». В последнем случае смысл трактуется как образование психическое, и соответственно с трудом поддается системному описанию и анализу извне, в то время как в первом – определяется как фактуальные знания, вполне реально осознаваемые и передаваемые друг другу. Интересно отметить, что разделяемый многими один и тот же смысл приравнен к рациональному и логическому, а именно здравому суждению: *SENS COMMUN* – *manière de juger; d'agir commune à tous les hommes (qui équivaut au bon sens)*.

Вместе с тем необходимость разграничения значения языковой единицы, взятой из словаря общего пользования, и ее смысла, извлекаемого в условиях речевого (=смыслового) акта, очевидна и подчеркивается исследователями уже на протяжении значительного периода времени. Еще в самом начале таких изысканий Г.Фреге установил концептуальное различие смысла и значения и указал на то, что смысл есть способ представления значения текста [1, с. 181–200]. Способ определяется субъектом, который уточняет значение знака, употребленного, например, в прямом или переносном (вторичном) значении.

В условиях междисциплинарного анализа структуры и формирования социального смысла, данная предметная область остается приоритетным направлением и для лингвистических исследований, и в первую очередь, она тесно связана с анализом текстов и дискурса. На это собственно и указывает материал его извлечения. Однако интерпретировать смысл в ходе дискурсивного анализа является задачей менее сложной, чем в условиях языкового контекста, состоящего, например, из одного высказывания. Так, выражение *c'est la croix et les bannières* 'это почти невозможно, об этом нечего и думать' оши-

бочно понимается отдельными носителями языка как «*sans espoir*» ‘это безнадежно’, опирающихся лишь на символическое значение первого компонента «*croix*» ‘вера, надежда’. В действительности, сочинительная связь, реализуемая посредством союза *et*, не соединяет *croix* и *bannières* в один конгломерат. Эти два компонента взаимодополняют при создании одной целостной денотативной ситуации крестного хода и в целом указывают на сложную задачу.

Неясность возникает и при попытке вербализовать сущность сложноорганизованных референтов, в дефиниции которых присутствует дескриптор ‘совокупность’, например, *vie*. Действительно, допустимо сказать *la signification (1)/le sens (2)/ la valeur (3) de la vie*, так как, согласно дефинициям, термины *signification, sens, valeur* взаимоопределяемы:

Sens et valeur d'un mot (Larousse).

*Ensemble des représentations d'un mot, d'un énoncé, **signification** (Larousse).*

Sens que prend un mot dans un contexte déterminé (Larousse).

В отличие от значения смысл не существует как фиксированная данность (в словаре), а является достаточно сложным образованием с многоплановым построением во времени, которое включает знание экстралингвистического контекста (но им не ограничивается). Так, согласно историческим текстам о жизни французского общества, в течение XVIII в. актуальным был вопрос о недостаточном обеспечении продовольствием. Поэтому во время публичных выступлений звучало одно единственное требование французского народа: *Du pain!*. Например, во время протестов в поддержку свободной перевозки зерна. Основную часть населения того времени составляли неграмотные простые люди, которые не были приучены широко мыслить, а значит логически выстраивать и выражать свои мысли. Другими словами, в отношениях французского народа с окружающим миром была задействована только чувственно-эмоциональная сфера, а механизмы рационального познания не были актуализированы. В 1789 г. народ кардинально меняет свою онтологическую и социально-историческую сущность. Он становится коллективным субъектом гражданского права и, впервые заявляя о себе во весь голос, переходит к логически связанному продуцированию речи. Нарастание революционного процесса ставит на повестку дня проблему завоевания и сохранения прав. Грамматический феномен сочинительной связи (посредством союза *et*) делает возможным равенство вещей и речевых действий, а именно – прав. Эта эволюция проявляется в словосочетании *Du pain et la liberté!* ‘Хлеба и свободы!’, выражающего связь между требованием материального продукта *Du pain!* ‘Хлеба!’, т. е. термина социально необходимого конкретного предмета, и *la liberté!* абстрактно воспринимаемой свободы, термина революционной символики [2, с. 130]. Лозунг *Du pain et la liberté!* не указывает на объекты эмоционально-чувственной сферы, а служит вербализации нового понятия «сово-

купные права коллективного субъекта» как выводного «знания» и участвует в его логическом построении и организации. Анализируемый призыв выражает наиболее существенные мысли о правах во время революции и, поскольку они уже не ограничены только одним требованием, то возможно варьирование. Так, среди большого количества исторических текстов обнаруживается множество подобных призывов ‘Хлеба!’ с изменяемым вторым компонентом: *Du pain et l'égalité!* ‘Хлеба и Равенства!’, *Du pain et le fer!* ‘Хлеба и оружия!’, *Du pain et la paix!* ‘Хлеба и мира!’.

Синтаксис способствует формированию нового смысла: установление связи происходит с помощью сочинительного союза *et* ‘и’, который создает эффект обобщения. Как видим, расширение смысла возможно не только в результате лексико-семантических трансформаций (*homme* ‘1) человек → 2) человеческий род’), но и посредством синтаксической связи. Координация при этом не выводит соединяемые сущности в одну плоскость (*mise sur le même plan des entités*), как это происходит обычно, а является механизмом подключения точки зрения говорящего о содержании высказываемого или комментария мета- или экстралингвистического характера. Ж. Гийому и Д. Мальдидье обратили внимание на то, что внеязыковой контекст в условиях смыслового акта предполагает использование ментальных механизмов, позволяющих запоминать и накапливать архив текстов – совокупность текстов с максимальным разнообразием [2, с. 124–136]. Другими словами, для адекватной интерпретации смысла необходимо системное знание внешних условий.

Сравним, например, выражение «*de France et de Navarre*», обозначающее ‘повсеместный; самый известный, лучший из всех’. Эффект целостности (как в русском языке титул *всего Руси*) достигается в результате взаимодействия синтаксиса сочинительной связи и семантики совокупности (*le royaume de Navarre + la France = tout le pays* ‘вся страна, держава’), что приводит к выводному знанию о новом сложноорганизованном референте. Отметим, что официальный титул династии французских королей Бурбонов, до правления которых Франция уже долгое время включала и земли Наварры, был именно «Король Франции и Наварры». Аналогично формируется смысл словосочетаний *cadres et administratifs* ‘административно-управленческий персонал’ и *club auto et moto* ‘автомотоклуб’. В русском языке для передачи слияния нескольких смыслов в одном «концентрированном» слове окказионально используется дефис: «Офи у нас личность одухотворенная – композитор-певица-поэт-художник в одном флаконе, но вынуждена работать директором гимназии» (Д. Донцова).

Таким образом, специфика внутренней формы французских языковых единиц, обозначающих сложноорганизованные референты как совокупности, обусловлена не только лексико-семантическими преобразованиями, но

и влиянием экстралингвистического контекста. Французские синтаксические средства координации, употребляемые окказионально, позволяют обозначить появление нового социокультурного смысла.

Литература

1. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – Москва : ВИНТИ, 1977. – Вып. 8. – С. 181–200.
2. Гийому, Ж. О новых приемах интерпретации или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса / Ж. Гийому, Д. Мальдидье // Квадратура смысла / под ред. П. Серю. – Москва : Прогресс, 1999. – С. 124–136.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова